

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Н. Надеждина

ИРИНКА-РЯБИНКА

ДЕТГИЗ

К Н И Г А   З А   К Н И Г О Й

Н. НАДЕЖДИНА

ИРИНКА-РЯБИНКА

Р а с с к а з ы

Рисунки О. Дежидовой

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

P2

H17

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Ваши отзывы об этой книге
направляйте нам по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького 43.
Дом детской книги.*

Когда встречаешь друга, хочется поделиться с ним тем, что за это время услышал, увидел, узнал.

Для нас, детских писателей, самые дорогие друзья — это вы, ребята. И каждая новая книжка — новая встреча с вами: наш разговор и рассказ.

Если разговор, то должны быть вопросы.

Что ж, попробую угадать ваш первый вопрос. Наверно, тот самый, который обычно задают ребята при встрече с писателем в библиотеке или в школе:

— Скажите, пожалуйста, вы это всё выдумали или так было на самом деле?

Конечно, есть у писателей право на выдумку. Но всего для нас интересней всамделишная детская жизнь. Я всегда прислушиваюсь к тому, что говорят между собой мальчишки и девчонки, где бы мне ни приходилось их встречать.

Как-то я ехала в командировку на том поезде, с которым ребята-туристы возвращались из похода домой. Они вспоминали про жадного Пашу, про пирожки с капустой. Так потом я и назвала этот походный рассказ.

Ну, а тайну «общества хитрецов» мне доверил мальчик, с которым мы вместе сидели на подоконнике, на лестничной площадке. Я не застала дома свою знакомую, пришлось подождать, а мальчик ждал маму, которая унесла с собой ключ. У нас было время подружиться и поговорить.

Что же касается маленького партизана, по прозвищу «Хохолок», то его история написана мной со слов взрослого человека, бывшего начальника разведки одной партизанской бригады. Мне захотелось познакомить вас с судьбой мальчика, у которого было совсем другое, трудное детство — без школы, без семьи, — чтобы вы больше дорожили тем, что имеете, и ещё крепче запомнили, как много горя приносит людям война.

Знаю я и второй ваш любимый вопрос

— Скажите, кого считать настоящим другом? И вообще, как надо дружить?

В этой книжке вы найдёте рассказы, в которых говорится о дружбе и между ребятами-сверстниками и между старшим и младшим, о том, какое из слов важнее: слово «я» или слово «мы».

Но, вероятно, есть у вас ещё и другие вопросы, которых мне сразу не угадать. Напишите об этом в своих письмах. Я постараюсь ответить в другой раз.

Н. Н а д е ж д и н а

ИРИНКА-РЯБИНКА

Мама была в больнице, и папа с Кириком жили по-мужски: сегодня консервы, вчера консервы, каждый день консервы. И ещё картошка в мундире.

В кухне висела сковородка, но папа с Кириком обходили её с такой осторожностью, с какой лиса обходит капкан.

— Всё это мелочи, — говорил папа, — картошка остаётся картошкой, как её ни готовь.

Зато ужин кончался быстро и каждый мог заниматься любимым делом. Папа начисто разобрал радиоприёмник. А Кирик, сидя напротив отца, наклеивал в тетрадку коллекцию спичечных этикеток.

— Пап! Посмотри: правда, красивая?

— Очень.

— Папа, это не та красивая! Ты не на ту смотришь!

— Неважно. И эта недурна. Ты где её раздобыл?

— Знаешь где? В урне, на станции.

Кирик тут же пожалел о своей неосторожности: сейчас начнутся вопросы. Зачем он ходил на станцию? Или он хочет, чтоб его задавила электричка?

Но папа не спросил, хочет ли Кирик, чтоб его задавила электричка. Папа мечтательно смотрел внутрь пустого ящика, некогда бывшего радиоприёмником.

— Я бы мог применить одну новинку, — сказал папа. — А тут отрывайся, печку топи. Что, если сегодня не топить? Как думаешь: проживём?

— Проживём! — бодро ответил Кирик, польщённый тем, что сам папа с ним посоветовался.

Так же легко пришли они к соглашению относительно мытья посуды. Было решено: пока есть в буфете чистые чашки, пить каждый раз из новой, а потом вымыть все сразу.

И вот настал день, когда Кирик вынул из буфета последнюю чистую чашку для себя и молочник для папы.

— Всё это мелочи, — сказал папа, прихлёбывая чай из молочника. — Однако пора помыть эту дребедень.

Попив чаю, они вымыли гору грязной посуды так чисто, что Кирику казалось, что и в буфете чашки ещё скрипят.

— А теперь ложись спать, — сказал папа. — Кстати, Кирилл, тебе не кажется, что твоя кровать тебе коротка?

— Ещё как кажется! Хочешь, папа, я тебе покажу, как я в неё упираюсь? Хочешь?

— Э! Ясно и так. С завтрашнего дня ты будешь спать в столовой на диване.

— Пап, а кровать? Можно я сдам её на металлолом?

Кирик предвкушал ликование 1-го класса «А», когда он сделает такой крупный взнос.

— Твой лом пока подождёт, — сказал папа, — на этой кровати будет спать Ира. Завтра я её с мамой привезу домой.

Чего-чего, а такого известия Кирик не ожидал. Правда, с неделю назад папа сказал, что у нас в семье прибавление — родилась девочка.

— Очень красивая, как в сказке? — спросил тогда Кирик.

— Пока трудно сказать. Например, у неё ещё нет волос.

И тогда Кирик решил, что папа шутит и никто у них в семье не прибавился. Ведь у девочек самое главное — волосы. Не бывает девочек без волос!

Но, оказывается, папа не шутил, и Кирику стало тревожно. В спальне его кровать стояла в ногах маминой, а в столовой надо было спать одному. И Кирику стало холодно.

— Папа! Тут дует! Я на диване обязательно простужусь.

— Где дует? Глупости! В спальне ничуть не теплее!

Ничего этот папа не понимал. И Кирик беспокойно запрыгал по дивану:

— Папа, тут горб! Это не диван, а какой-то верблюд.

— Ничего, постелим матрац, и будешь спать, как на облаках.

— Пап! Ну и спи сам на облаках, раз тебе так нравится!

— А я и не знал, что мой сын жадный. Жалеет сестрёнке кровать такой большой парень. . .

Это первый раз Кирика назвали большим. Он быстро взглянул в висевшее над диваном зеркало. Правда, что он так вырос за эту неделю?

— Тебе семь лет, — сказал папа, — а Ире десять дней. Она теперь самая маленькая в доме. Ну ладно, иди спать.

Кирик пошёл в спальню, разделся и лёг.

Почему жадный? Ничуть не жадный. Просто он не хочет отдавать этой лысой девчонке свою кровать. Это его кровать. Здесь он видел сны, будто в ракете летит на Луну.

А на том верблюжьем диване разве увидишь хоть один настоящий сон? И совсем она ему не коротка.

— Папа! — крикнул Кирик. — Я только одним большим пальцем упираюсь!

— Упирайся хоть носом! Эгоист! — донеслось в ответ из столовой.

Всё было ясно. Папа теперь любил только маму,

радиоприёмник и ещё ту девчонку. Потому что она была самая младшая в доме, а Кирик уже не был, и папа его не любил.

Конечно, не любил, раз хотел отобрать у него кровать. И так стало Кирику жалко себя и кровать, что, уткнувшись в подушку, он горько заплакал.

* * *

Была ранняя весна — самое для мальчишек милое время, когда отправляются в плавание бумажные корабли, а карманы разбухают от находок. По двору в эту пору можно бродить, как по берегу моря во время отлива. Снег уже стоял и всё, что скрывалось под ним, открылось.

Чего только здесь не найдёшь! И виток тоненькой проволоки, и пружинку, и длинный гвоздь, и даже кусочек зелёного стекла. Оно так восхитительно сверкает на солнце, что, может, это вовсе не стекло, а какой-нибудь драгоценный камень?!

Но сегодня Кирик не замечал рассыпанных у его ног сокровищ. Он приник к забору, отделявшему их участок от участка соседей.

За забором мелькнула синяя лыжная курточка. Миша учился в четвёртом классе, и мама говорила, что он Кирику не компания, но надо было кому-то излить душу.

— Миш! — слабым голосом позвал Кирик.

Миша снисходительно подошёл к забору:

— А, это ты? Что ж вы свои розы не раскрываете? Сопреют!

— Ну и пусть сопреют. — Кирику было не до роз. —

Знаешь, Миша, у меня родилась сестра. Она хотя девочка, но совсем без волос.

— Ого! Ты это сам видел?

— Не сам. Папа видел. А сегодня её привезут. Они хотят меня выселить на диван, чтобы она спала на моей кровати.

— Ого! — повторил Миша. — Подожди, она ещё сядет тебе на голову.

— Как — сядет на голову?

— Очень даже просто. И все твои игрушки ломает. Пропал твой водяной пистолет.

— А ведь девчонки из пистолетов не стреляют...

— Так она ж маленькая. Она сломает и даже не будет знать, что это пистолет. Где он у тебя? Покажи.

Кирик облизнул пересохшие губы и медленно вынул из кармана пистолет, цвета гусиных лап. Великолепное оружие для стрельбы водой в кота.

Миша проверил курок, подул в дуло и спрятал пистолет к себе в карман.

— У меня будет целей, — сказал он опешившему Кирику. — А что там ещё у тебя есть?

— Шашки... Она их тоже ломает? И самокат?

— Тащи сюда шашки. За самокат, я ду-

маю, она не сразу возьмётся. Но вообще всё спрячь.

Кирик затрусил к дому спасать своё культурное имущество, только он опоздал. По садовой дорожке шли мама и папа.

— Мама! — взвизгнул Кирик.

Он хотел броситься к ней и вдруг застеснялся. Но мама, поравнявшись с Кириком, сама притянула его к себе:

— Здравствуй, сынок! Как вы тут без меня жили? Папу слушался, не шалил?

Кирик вздохнул. Ему нужно было рассказать маме так много, но почему она смотрела поверх его головы на большой белый свёрток, который нёс на руках папа?

— Алексей! — крикнула мама, и её рука соскользнула с плеча Кирика. — Уронишь! Кто же так держит ребёнка?

Мама бросилась догонять папу, а Кирик остался один. Как будто это была уже не его мама. Мама думала только об Ирке, только о ней.

Ну и пусть. Пусть эта самая Ирка спит на его кровати. Пусть ломает его игрушки.

Раз они его больше не любят, он уйдёт. Уйдёт в лес и нарочно заблудится.

О! Тогда они пожалеют, тогда они горько заплачут: «Где наш Кирик, где он, наш маленький?» Но будет уже поздно. Поздно.

И Кирик решительно толкнул калитку.

Возле леса блестела большая весенняя лужа. Кирик прошёлся по ней как пароход. Потом постоял, передыхая.

Теперь он уже был не пароход, а великан. У его ног лежал отражённый в воде лес. Кирик мог наступать на макушки деревьев.

Он поболтал ногой, и всё замутилось. Лес в луже исчез. Вот он какой! Он утопил лес!

А когда ему надоело быть великаном, он выбрался на опушку и стал выливать воду из калош. Неважно, что у него мокрые ноги. Про это никто не узнает, потому что он ни за что не вернётся домой.

— Ни за что! — вслух сказал Кирик.

И, точно в ответ ему, куст на опушке запел. Этот куст весь светился, словно он был обрызган необычайно крупной зелёной росой. Только это были не росинки, а почки, блестящие на солнце, как огромные зелёные капли. Среди этих зелёных капель Кирик разглядел одну серую. Это была птичка.

Кирик стоял совсем близко и видел, как вздувалось её нежно-жёлтое горлышко. Птичка пела.

Потом она вспорхнула и полетела в лес, зазывая Кирика за собой.

Лес ещё не спрятался в листву и был виден весь от корней до самых маленьких веток. Только кончики веток окутывала нежная дымка. Словно зелёное зарево стояло над лесом.

— Пойду заблужусь, что ли! — вздохнул Кирик и вслед за птичкой пошёл в лес.

А земля под его ногами чмокала, будто вздыхала.

Да как ей было не вздыхать! Её распирало от тронувшихся в рост корней, её пучило от миллионов ростков, упрямо пробивавшихся к свету.

Что-то очень важное и удивительное происходило в лесу, и оно называлось «весна».

Это о ней, о весне, пели птицы. А потом Кирик услышал и другой — глуховатый, уже не птичий голос. Он набрёл на лесной ручей.

Там, где вода перекатывалась через камни, у ручья была выпуклинка, и она вздувалась, как птичье горлышко. Ручей пел.

И в самом Кирике пело. Он уже больше не хотел заблудиться. Очень нужно! Пусть заблудится кто-нибудь другой!

Вдруг на коре сосны что-то сверкнуло и погасло. И опять сверкнуло. Это дразнилась бабочка-красивница.

Она явно подмигивала Кирику, то раскрывая, то закрывая свои бархатные крылышки: а ну-ка поймай!

А что? Не поймает?!

Кирик погнался за ней по самому краю лесного оврага. Вот сейчас догонит,

вот... И тут он почувствовал, как земля, мягко дрогнув, поплыла под его ногами.

Он ухватился за росшую у обрыва рябинку, но и она поползла вместе с ним, и, брызгаясь землёй, Кирик покатился по склону.

Ему было не больно, но очень обидно. И во всём была виновата рябинка. Почему она не могла его удержать?

Кирик встал на ноги и сердито взглянул на лежавшую на земле рябинку.

Она ещё только просыпалась. Её сморщенные листики были сложены щепотью. Лишь на макушке распустился один лист, похожий на птичье пёрышко.

И Кирику стало жалко загубленное деревце.

— Ну что мне с тобой делать? — спросил Кирик и оглянулся.

Ему показалось, что зелёные травинки из любопытства даже привстали на цыпочки. Деревья, прислушиваясь, насторожённо покачивали вершинами.

Весь лес ждал: что будет делать Кирик?

— Уж так и быть, — сказал Кирик, взваливая рябинку на плечо. — Из-за тебя придётся тащиться домой.

Это не он хотел домой, это хотела рябинка. Ведь она засохнет, если её не посадить.

Кирик шёл и слышал, как за его спиной радостно повизгивают рябинкины ветки.

Но до дома было не близко, и Кирик устал. Он переложил деревце на другое плечо. И другое плечо заняло. Тогда он опустил рябинку на землю и приткнул её к пню.

Один он дойдёт скорее. Он уже сам хочет домой.

А рябинка? Пусть засыхает, какое ему дело. Он не обязан её нести.

Однако, пройдя несколько шагов, Кирик обернулся. Она стояла такая тоненькая, в солнечных пятнышках, точно в веснушках, и будто звала его, тянулась к нему всеми своими веточками.

— Ух, навязалась на мою голову! — с отчаянием крикнул Кирик.

Но всё-таки он вернулся. Теперь он, как ребёнка, нёс на руках рябинку, и её нижняя веточка, ласкаясь, касалась его щеки.

Так он и донёс рябинку до дома и спрятал её возле забора за кустами смородины. Когда он вылез из кустов, то увидел, что на крыльце стоит отец.

* * *

— Ты где пропадал? — спросил отец. — Мы с мамой уже беспокоились.

Ага! Они всё-таки заметили, что его долго не было. Сейчас они заметят, что он весь в грязи.

— Ох, измазался! — вскрикнула мама. — И ноги мокрые! Сейчас же раздевайся, я тебе их разотру.

И мама стала растирать ноги Кирику. Значит, она всё-таки его любила, хотя он был не самый младший и весь в грязи.

А когда он стал сухой и тёплый, мама повела его в спальню:

— Пойдём, познакомься с сестрёнкой.

На маминой кровати в розовой кофте и чепце лежала эта самая Ира.

Кирику стало просто неловко, когда он увидел её крохотные пальчики. Совсем беспомощные, как те

сморщенные листики рябины. Да разве они могли что-нибудь поломать?

Чепец у неё сбился набок и на голове золотился пух. Всё-таки у неё были волосы! Только папа их не заметил.

На одеяле лежала розовая пластмассовая погремушка.

— Почему же она не играет с погремушкой? — хмуро спросил Кирик.

— Не может взять в ручку, — ответила мама. — Ведь она ещё маленькая, ещё ничего не может: ни ходить, ни стоять, ни сидеть, ни даже перевернуться на бочок.

А Миша говорил, что она сядет ему на голову.

— Болтун и вун! — громко сказал Кирик.

— Это ты про кого? — удивилась мама.

— Я знаю про кого!

И вдруг всё лицо Иры от лба до подбородка сморщилось и заплакало. Ясно: она плакала оттого, что не могла достать погремушку. А он всё мог — и бегать и прыгать. Один раз он даже залез на забор.

— Мама! Можно я? — быстро сказал Кирик.

И стал трясти погремушкой перед Ириным лицом.

Ирины глаза смотрели неизвестно куда, но она перестала плакать, и её уголки губ растянулись.

— Как будто улыбнулась! — сказала мама. — Ирочка Кирику улыбнулась. Чувствует, что это её старший брат, её защитник!

— Гм! — промычал Кирик.

— Конечно, мужчина! — из другой комнаты откликнулся папа. — Одна беда — жадноват.

— Гм! — промычал Кирик.

— Оставь, Алексей, — сказала мама. — Раз Кирик хочет, пусть спит на своей кровати. Мы Ирочке купим другую.

— Зачем же другую? — сказал Кирик. — Мне на диване даже очень хорошо.

И он покосился на маму. Это опять была его мама. Даже ещё больше мама, чем раньше. Его и Ирина. Такая мама, от которой везде — и в другой комнате тепло.

— Ты куда? — встревожилась мама, увидев, что Кирик снимает пальто с вешалки.

— Я на минутку.

Просто ему совершенно необходимо было повидать Мишу.

* * *

Он вернулся очень скоро и принёс с собой пистолет.

— Я этому Мишке только одно слово сказал, — с важностью рассказывал Кирик, — и он не пикнул, отдал. Ему что? У них в доме никто не родился, а мне, может, пригодится сестрёнку защищать.

Мать улыбнулась. Улыбнулся и отец.

— Мне показалось, что ты притащил из леса деревце, — сказал отец. — Пошли посадим, пока не стемнело.

Когда они копали землю, сквозь щели забора за ними следил Миша. Он ждал, что Кирик обратит на него внимание и, не дождавшись, заговорил сам:

— Рябинка, что ли?

— Рябинка, — ответил отец.

— Иринка-рябинка! — добавил Кирик.

И все засмеялись.

— Хотите, как у Мироновых?

— При чём здесь Мироновы?

Наверное, Кирик и вправду вырос за эту неделю. Он разговаривал с Мишей, как с равным. Наоборот, теперь Миша заискивал перед ним.

— Мироновы, как в семье кто родится, дерево са-
дят. У них уже целый сад.

— И у нас будет сад! — похвастался Кирик.

Заходило солнце. Ещё багровей стали на клумбе ростки пионов. Как будто это была не клумба, а гнездо, откуда аисты высовывали свои красные клювы. Песок на дорожке порозовел.

Двое мужчин стояли на розовой дорожке и смотрели на новое деревце, появившееся в саду. Оно было ещё голое. Только на самой макушке подрагивал листок, пушистый и нежный, как птичье пёрышко.

ХОХОЛОК

В лесу был чужой. Федотову сказали об этом следы на свежем снегу.

Чужой не знал партизанских троп. Дойдя до старого дерева, он свернул не вправо, к штабу, а влево.

Следы были крупные. Но странно — шагал этот человек не по росту мелко.

Кого он искал в засыпанном снегом партизанском лесу? Что, если это немецкий лазутчик? Деревенские не ходят за хворостом в такую даль.

Федотов снял с плеча автомат и, чутко прислушиваясь к ледяной тишине, пошёл по следу.

Он миновал березняк. Седые от инея ветки были неподвижны. Они словно вмёрзли в голубой хрусталь воздуха.

На краю лесного болота одиноко росла молодая пушистая ёлочка. Столько снега намело ей под лапы,

что деревце укоротилось: ёлочка словно присела на корточки.

Что-то тёмное шевельнулось за её стволом.

— Стой! Буду стрелять! — вскидывая автомат, предупредил Федотов.

— Дядя, не стреляйте! — услышал он детский, писклявый голос. — Дядя, я не фриц, я свой.

— А ну, покажись!

Из-за ёлки показался мальчик лет двенадцати. Скуластый, востроносый, очень худой.

Глаза у него были жёлто-коричневые, круглые и влажные, как у щенка. Круглые глаза восторженно и преданно смотрели на Федотова. Если б мальчику не мешали огромные пегие валенки, неуклюже болтавшиеся на тонких ногах, он бросился бы к Федотову бегом.

— Дядя, вы партизан?

— Уж больно ты любопытный! Зачем тебе знать?

— Я тоже хочу в партизаны. Дядя, вы меня проводите в штаб?

— Пусть мамка на печку тебя проводит! — с досадой крикнул Федотов. — Топчется по снегу всякая мелочь, только людей путает. Ступай домой и больше в лесу не следи.

— Да я... — начал было мальчик.

Но Федотов сердито оборвал его:

— Ты мне зубы не заговаривай! Ишь что придумал: в штаб! Только тебя там и ждут!

И мальчик замолчал.

Его бледное лицо казалось ещё бледнее от свежей, яркой царапины на щеке. Видимо, напоролся на колючку, когда продирался сквозь кусты. А зачем лез, на что надеялся? Если всех желающих в партизаны мальчишек водить в штаб, так это будет не бригада, а прямо-таки детский сад.

— Утри лицо, — уже мягче сказал Федотов. — Ишь раскровянил щёку.

Мальчик машинально провёл ладонью по лицу. У Федотова кольнуло сердце, когда он увидел эту маленькую, потрескавшуюся от стужи, голую руку. Варезек у мальчишки не было.

Чтоб не разжалобиться, Федотов отвёл глаза в сторону и скомандовал нарочно грубо:

— Ступай домой! Живо! Кому говорю!

Мальчик передёрнул плечами и, скрипя валенками, медленно пошёл по заснеженному болоту.

«Обиделся! — провояя его глазами, подумал Федотов. —

Смотрите, какой гордый, ни разу не обернётся. С характером паренёк!»

Федотов переждал, пока мальчик уйдёт подальше, и вернулся на партизанскую тропу.

Как будто всё было в порядке. Он без особых хлопот отделался от мальчишки. Но на душе у него было нехорошо.

Всё вспоминалась закорузлая от стужи маленькая рука. Ведь глупый ещё. Заблудится, замёрзнет в лесу. Нельзя его бросить. Хоть до просёлочной дороги, а надо мальчишку проводить.

Партизан повернул назад. И вдруг он услышал сахарный скрип снега. Едва Федотов успел спрятаться за дерево, как из кустов вынырнула знакомая фигурка.

Рассчитывая, что сердитый дядя уже далеко, мальчик спокойно шёл по его следу. Чтобы лучше читать след, он пригнулся. Концы его расстёгнутой ушанки подрагивали, как уши обнюхивающего до рогу щенка.

— Да ты, оказывается, следопыт! — с усмешкой сказал Федотов, выходя из засады.

«Щенячьи уши» разом обвисли.

Федотову было и смешно и досадно, и в то же время он чувствовал невольное уважение к мальчишке, который его перехитрил.

— Так куда ж ты нацелился?

Мальчик молчал.

— В штаб?

— Ага, — сквозь зубы процедил мальчик.

— Ладно, сведу тебя в штаб, чертёнок! Пусть разбираются сами!

— Давай теперь познакомимся! — сказал командир; когда мальчик, доев похлёбку, аккуратно вылизал ложку. — Тебя как звать?

— Мишка.

— Валенки у тебя знаменитые!

— Я их в дедовском чулане нашёл, — похвастался Мишка. — Немного великоваты, но я соломы в них напихал. Небось босого в партизаны не примут.

— И с валенками не примем: возраст не тот. Так что, Миша, и не просись.

— А я к вам и не прошусь! — гордо ответил Мишка. — Меня дед в партизаны примет. Может, он сам начальник. Хохлов Пётр Сергеич. Не слышали?

Мужчины, бывшие в штабной избе, молча переглянулись. Все они знали старого партизана Хохлова, с неделю назад погибшего в бою.

— А мать у тебя есть? — помедлив, спросил командир.

— Не знаю. Год восемь месяцев не видел. Она отправила меня на лето в деревню к дедушке с бабушкой, а тут война.

— Значит, у тебя всё-таки есть родные: твоя старая бабушка. И ты от неё сбежал!

— Я не сбежал, — надулся Мишка. — Моя бабушка из Карташихи. Вы про эту деревню знаете?

— Знаем, — кивнул головой командир.

В Карташихе немцы загнали в сарай и сожгли живьём деревенских женщин и детей в отместку за помощь партизанам.

— Моя бабушка... — Мишка засопел и отвернулся к стене. — В том сарае моя бабушка тоже была...

В штабной избе стало тихо-тихо. Командир подошёл к Мишке, положил руку на его плечо:

— Приляг, Миша! Ты устал, тебе надо выспаться, отдохнуть. Вот полушубок, укройся. Будет теплей.

Мальчик лёг на лавку, натянул на себя полушубок, но через минуту полушубок зашевелился.

— Они бы и меня спалили, — донёсся до командира глухой Мишкин голос, — только меня не было. Я в район за солью ходил. Соли-то теперь в деревнях нету.

— Это мы тоже знаем. Спи, Миша, спи!

И Мишка заснул, да так крепко, что не слышал, как Федотов снял с него валенки и поставил сушить на печь.

Стали укладываться и другие жившие в штабной избе партизаны. Только командир при свете коптилки ещё работал над картой, разостланной на деревянном столе.

Было уже за полночь, когда Мишка проснулся. Он мельком взглянул на командира и, спрыгнув на пол, начал торопливо шарить под лавкой.

— Ты чего там ищешь?

— Отдайте мои валенки, — буркнул Мишка, — я к деду пойду.

— А может, у нас останешься?

— У вас? — Мальчик пронзительно взглянул на командира. — Значит, и деда тоже убили? И его...

Ноги у Мишки подкосились, он сел на пол, уткнулся в колени вихрастой головой.

— Твой дед пал смертью храбрых, — сказал командир. — И, хотя это не по правилам, мы решили оставить тебя в бригаде. В память твоего деда. Он

был славный партизан. Ты будешь... — командир запнулся, не зная, какую должность придумать Мишке, — будешь моим адъютантом. Это тебе подходит?

— Подходит, — выдохнул Мишка.

— А сейчас давай спать. Завтра обо всём поговорим.

Мальчик пошёл было к лавке, но сейчас же вернулся. Порывшись в кармане, он положил на стол перед командиром маленький, но туго набитый холщовый мешочек.

Командир пощупал замусоленную холстинку: в мешочке заскрипело.

— Это ещё что такое?

— Это соль, — строго сказал Мишка. — Я её деду нёс. Возьмите, ведь теперь будем вместе есть.

* * *

С тех пор они делили вместе: радость и горе, хлеб и соль. И мальчик верил, что партизанский хлеб он ест не задаром: свои задания он всегда выполнял.

Иногда Мишке поручали переписывать партизанские листовки. Их тайком распространяли среди населения захваченных немцами деревень.

Мишка писал старательно, даже высовывал от усердия язык. Каждую букву ему хотелось вывести

чётко и красиво. Ведь это был не просто диктант, а самые важные слова: «Все на врага», «В бой за Родину», «Мы победим».

Мишке вспоминался родной город, деревянный домик, в котором они жили с матерью. Теперь там хозяйничают фашисты. Может, и дома уже нет, его сожгли, а может, и мамы нет.

В сердце мальчика поднималась ненависть. Написав последнюю фразу «Смерть немецким оккупантам», он ставил три восклицательных знака, острых, как три штыка.

Иногда Мишку посылали верхом на лошади с поручением по партизанским деревням. И он скакал, ликуя, что ему доверили, его послали, что он самого командира адъютант.

Правда, первое время, пока Мишка не научился ездить, лошадь нередко сбрасывала неопытного седока и мальчику приходилось пешком возвращаться в бригаду.

— Никак, наш Хохолок опять со своим рысакom разминулся?— подшучивали над мальчиком бойцы.— Какой несознательный мерин: начальство не признаёт!

Бойцы звали Мишку «Хохолком» не только из-за его фамилии: на макушке у него всегда торчал непокорный хохолок.

В отряде полюбили мальчика, и он отвечал бойцам тем же, но больше всех он любил командира, самого храброго, как думал Мишка, и самого доброго из всех людей.

Весной партизанские разведчики были посланы с заданием в Мишкин родной город. Попутно коман-

дир попросил их справиться о матери мальчика. Оказалось, что она жива.

Когда Мишке сказали об этом, он даже растерялся: покраснел, замахал руками и убежал.

А немного погодя в кустах за штабной избой слышалась песенка. Её напевал чистый, как ручеёк, мальчишеский голос.

— Слыхали? — выглянул в окно ординарец Андрей. — Наш Хохолок запел. А мы считали: он безголосый.

— Мать у него нашлась, потому и запел, — ответил Андрею Федотов. — И до чего тонко выводит! Ну, чисто дрозд...

Не забыл командир и о том, что мальчик не учится. Разведчики где-то раздобыли потрёпанный задачник, и командир вручил его Мишке:

— Вот тебе подарок. Решай задачки в свободное время.

Мишка и так был не в духе: почему командир едет в лес выбирать площадку под партизанский аэродром и не берёт своего адъютанта с собой? Увидев задачник, Мишка окончательно расстроился:

— Николай Иванович! Да разве успеешь учиться и воевать...

— А как в гражданскую войну попевали? Тогда у нас ещё много было неграмотных. Люди так хотели учиться, что брали с собой в поход букварь.

— Но я один не сумею.

— Поможем. В нашей бригаде есть бывший учитель, Новиков Фёдор Иванович. Что непонятно, он тебе объяснит.

Командир уехал. Проводив его, Мишка уселся на

завалинке возле Федотова. Мальчик не имел личного оружия, но бойцы, у которых он клянчил: «Дяденька, дайте стрельнуть!» — говорили, что у паренька меткий глаз. Запасной карабин командира, который чистил Федотов, притягивал Мишку как магнит.

— Чего ты такой надутый? — спросил Федотов. — Точно лягушку проглотил.

— Вот! — Мишка ткнул пальцем в задачник. — Это мне подарок от командира. Говорит: пусть война, а ты задачки решаешь.

— И правильно говорит. Война не на век, она кончится, а жизнь твоя только начинается. Вот он и хочет, чтоб ты не отставал от ученья, заботится о тебе.

— «Заботится»! — Мишка провёл пальцем по блестящему дулу. — Уж лучше бы он мне карабин подарил. Дядя Федотов, почему меня в бой не берут?

— Сказано: раньше батеньки в пекло не суйся. Да и стрелять надо хорошо.

— Я в дерево всякий раз попадаю,

— Дерево на месте стоит.

— Понятно, — прищурился Мишка, — надо в движущуюся мишень!

Командир вернулся на другой день к полудню. По нахмуренным бровям, по походке было видно, что он чем-то раздражён.

— Где Хохлов? Его куда-нибудь посылали?

И тут выяснилось, что никто утром Мишку не видел, мальчик куда-то пропал.

— Вчера вечером мы с ним занима-

лись, — сказал Новиков. — Он очень быстро решает задачи. Смышлёный, шустрый паренёк.

— Даже слишком шустрый! — проворчал командир.

— Ой, будет Хохолку взбучка! — шепнул Федотову Андрей. — Чего-то наш адъютант на-творил.

Федотов взглянул в угол, куда ставилось оружие. Исчез не только Мишка, исчез и запасной карабин.

* * *

— Ты ездил сегодня в Ольховку? — крикнул командир, как только Мишка переступил порог избы.

— Ездил, — вздохнул Мишка.

Он сам помрачнел, увидев, что командир сердится. Опустив глаза, мальчик вертел в руках карабин.

— Зачем ты брал с собой оружие? Мы с ним в бой ходим, а ты что делаешь? Безобразничаешь? По дороге в лесу мне встретилась деревенская женщина: «Иду, говорит, к вам на вашего дьуданта жалиться. Заскочил к нам сегодня в Ольховку и как начал палить по курам. Двух кур у меня, паршивец, подстрелил». Это правда?

— Правда. Только я не безобразничал, я хотел попрактиковаться в движущуюся мишень.

— Вот за эту движущуюся мишень и сядешь под арест.

В амбарчике, куда сажали под арест, было полутемно. Свет проникал через одно-единственное узкое окошечко.

— Эх, Хохолок! — впуская Мишку в амбар, посетовал Федотов. — Из-за каких-то курей сам попал, как кур во щи!

— Вот именно попал! — радостно подтвердил Мишка. — Та деревенская тётенька, которая на меня командиру жаловалась, ещё не всё рассказала: я в третью курицу тоже попал.

— Лихо! Однако поговорили и будет. Часовому разговаривать не положено, а я заступил на пост.

Федотов запер дверь, и Мишка очутился в пропахшем мышами амбарчике. Мальчик сел на пол, раскрыл задачник, который ему разрешили взять с собой и стал, раскачиваясь, читать вслух:

— «Со станции вышел поезд...»

Мишка живо представил себе паровоз с чёрной свастикой на груди. С его платформ ощерились пушки. Как дракон, рассыпая искры, чёрный поезд несётся в ночь. И вдруг... столб пламени, грохот!

Чёрный поезд рушится под откос. Партизаны заложили на рельсах взрывчатку.

Взрывчатка! Мишка вскочил на ноги. Ведь в Ольховке ещё до истории с курами он разговаривал с одним стариком. Старик просил передать командиру, что может показать озеро, в котором наши войска, отступая, затопили взрывчатку — тол.

Мишка знал, как нужна партизанам взрывчатка, он думал о ней всю дорогу, но, когда командир на него рассердился, Мишка от расстройства про самое главное и забыл.

— Дядя Федотов! — Мальчик отчаянно забарабанил в дверь кулаками. — Выпустите меня! На одну минуту! Я должен срочно командиру доложить.

Федотов слышал Мишкины вопли, но не откликнулся. На то он и был часовым.

Наконец крики в амбаре утихли.

«Должно быть, уснул, — подумал Федотов, — умаялся. Ведь ещё дитё».

И вдруг перед Федотовым вырос командир:

— Часовой! Вы кого сторожите?

— Арестанта, товарищ командир бригады! Лично ваш адъютант сидит под замком.

— Сидит? Давайте проверим, откройте дверь.

Открыли. В амбарчике было пусто. На полу валялся раскрытый задачник. Солнечные пылинки рябили в прорези окна.

Только Мишка такой худой и ловкий мог пролезть в это окно, узкое, как щель.

Федотов выскочил на крыльцо. Он всё ещё не верил, что мальчик сбежал. Но вот из чащи росших возле амбара лопухов выглянула вихрастая голова.

— Дядя Федотов! — Мишка хотел успокоить своего незадачливого сторожа. — Я тут. Я ведь просился, но вы не хотели слушать, а мне нужно было срочно про взрывчатку доложить. Да вы не волнуйтесь. Я сейчас своё досижу.

Но досиживать Мишке не пришлось.

— Боец Федотов! — сказал командир. — Переда-

дите оружие Хохлову. За нарушение обязанностей часового теперь вы сядете под арест, а он будет вас сторожить.

— Чертёнок! — вздохнул Федотов, передавая Мишке винтовку. — Вот подвёл так подвёл.

Мишке многое хотелось сказать Федотову в своё оправдание, но в его руках очутилась винтовка. Теперь он был часовым, а часовому разговаривать не положено.

* * *

Недаром Мишка дневал и ночевал в штабе. Он раньше всех узнавал новости. Он знал, что получено задание: в помощь наступающей Советской Армии взорвать Симкин мост. В этой боевой операции должны были участвовать две партизанские бригады.

За день до назначенного срока Федотов с Мишкой помылись в партизанской бане. Мылись горячей водой со щёлоком — мыла не было.

— А ну, Хохолок, потри мне спину! — попросил Мишку Федотов. — Идём на сурьёзное дело; может, и помереть придётся, а умирать надо чистым. Понятно?

— Понятно! — откликнулся Мишка, усердно работая рогожкой.

— И ещё тебе один наказ. Николай Иванович сказал: рвать Симкин мост выйдут все наши. Можно сказать, ты один останешься. Так уж води себя достойно: не озорничай. Понятно?

— Понятно, дядя Федотов!

Командир вывел свою бригаду ночью. На рассвете стали подходить к селу Симкино. Остановились на

лесной опушке, чтоб выслушать последние приказания.

И тут к командиру осторожно приблизилась маленькая фигурка с карабином в руках.

— Мишка! Ты почему здесь?

— Но вы же сами сказали, что на эту операцию идут все наши, а я разве чужой?

— Отправил бы я тебя обратно, да уже поздно. Ничего не поделаешь — останешься со мной.

Бригада Николая Ивановича должна была, окружив Симкино, навязать бой стоявшему в этой деревне немецкому гарнизону, в то время как другая бригада прорвётся к мосту.

Николай Иванович разделил свои отряды. Одни двинулись на Симкино, другие залегли у дороги в засаде, чтоб отрезать немцам путь к мосту.

Вдоль дороги тянулось болото. Его кочки и редкие кустики служили укрытием для партизан. За одним из кустиков возле командира лежал Мишка.

Над болотом клубился утренний туман. Он напомнил мальчику дымок над пепелищем Карташихи. И снова в Мишкином сердце закипела ненависть.

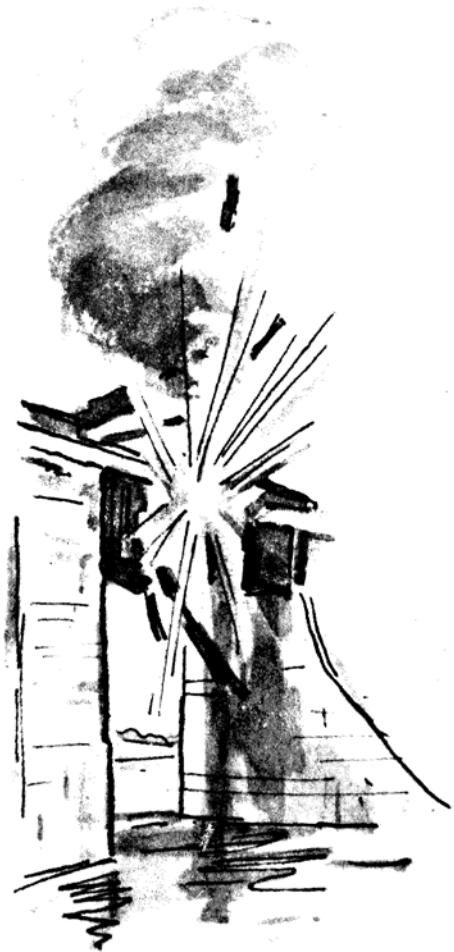
— А моя бабушка ещё крепкая была, — глухо пробормотал Мишка, — сама мешок с картошкой подымала... Николай Иванович, нам не пора?

В Симкино уже гремели выстрелы.

— Ещё не пора! — чуть-чуть улыбнулся командир.

Шум боя становился всё сильнее. Мальчик прямо-таки ёрзал по земле от нетерпения.

Уже поднялось солнце. Спиной Мишка чувствовал утро, а животом — ночь, потому что спину пригревало

солнце, а живот был прижат к сырой, холодной земле.

В траве блеснула живая красная пуговка — божья коровка. Мишка поймал её и посадил себе на ладонь. «Улетай, дурёха! — попробовал внудить ей мальчик. — Побежим в атаку, затопчем тебя...»

Но жук не хотел покидать тёплую ладошку и только тогда поднялся в воздух, когда Мишка стал дуть ему под крылышки.

Куда полетела божья коровка, Мишка уже не смог проследить.

— Огонь! —скомандовал командир.

Часть разбитого гарнизона вырвалась из деревни. Немцы по дороге, по болоту, по огородам бежали к мосту.

Мишка вскочил на ноги, словно подброшенный пружиной.

— Стрелять лёжа! — крикнул ему командир.

— А я не попаду лёжа! — огрызнулся Мишка.

Немцы были уже близко.

— Вперёд, за Родину! — скомандовал командир.

— Ура! — закричал Мишка.

— Ура! — подхватили партизаны, бросаясь в атаку.

Мишка нёсся, перепрыгивая через кочки. И вдруг он с ужасом заметил, что один из немецких солдат, остановившись, целится в командира.

Отчаянно взвизгнув, Мишка бросился влево, чтоб закрыть командира собой.

Что-то ожгло ему плечо. Перед глазами замелькали красные пятнышки — как будто налетел целый рой божьих коровок.

«Улетайте, дурёхи! А то затопчут», — хотел сказать им мальчик, но уже говорить он не мог.

Мишка пошатнулся и упал лицом вниз в болотную траву. Но он ещё успел расслышать грозный гул. Это взлетел на воздух взорванный партизанами мост.

* * *

Мишкина рана зажила к осени. Хотя мальчик совсем поправился, но с поручением его куда-то не посылали.

— Побереги свои силы, — сказал Мишке командир, — тебе предстоит дорога. Ты ведь сводки читал и знаешь, что твой родной город освобождён.

— Знаю! — радостно подтвердил Мишка.

— Туда я посы-

лаю с заданием Федотова. Он прихватит тебя с собой.

— Федотов пойдёт по заданию, а я зачем? В отпуск?

— Считай так. Разве тебе не хочется повидать свою маму?

Мальчик улыбнулся и кивнул головой.

Как-то осенним вечером Мишка сидел в штабе один. Николай Иванович с двумя командирами отрядов с утра поехал в Ольховку и ещё не возвращался.

Глядя на росшую за окном строгую, стройную ёлку, Мишка думал о матери. Она тоже такая, на вид строгая, а на самом деле ласковая. Как она удивится, когда раскроется дверь и...

Дверь распахнулась, в штаб вошёл Федотов:

— Ну, ты готов? Сейчас и отправимся.

— Как — уже? — ужаснулся Мишка. — Я даже с командиром не попрощаюсь?

— Другой раз прощаешься. Ночью надо через немецкую зону пройти.

И вот они снова, как и в первый раз, шли вдвоём по лесу. Но теперь в лесу пахло не снегом, а грибами, осенним палым листом.

Где-то кричала сойка. Спелые ягоды рябины вспыхивали в листве, как огоньки.

Мишка сшибал на ходу яркие ломкие шляпки мухоморов. Вдруг он резко остановился:

— Дядя Федотов! Я даже не знаю куда у меня отпуск!

— Зато я знаю. Останешься у матери насовсем.

— Неправда! Командир так вам не приказывал.

— А вот — приказал.

Мишка задумался. Теперь он уже не сшибал мухоморы, а, прихрамывая, плёлся позади Федотова.

— Почему отстаёшь? Опять, чертёнок, задумал сбежать?

— Что вы ко мне пристаёте! Я жилу растянул.

Мишка хромал всё сильнее и сильнее, зорко оглядываясь по сторонам. Сейчас он поравняется вон с тем подходящим кустиком и — до свидания, дядя Федотов!

Но слышался конский топот. У Мишки ёкнуло сердце. На лесную поляну выехал всадник: это был командир.

Он спешился, закинул на шею коню поводья и вытер вспотевший лоб:

— Фу! Хорошо, что на лошади, а то бы вас не догнать. Почему, Федотов, вы так поторопились?

— Наверное, вы приказали, — криво усмехнулся Мишка, — хотели скорей отделаться от меня.

— Вот и не угадал. Я другое хочу: чтобы ты был жив, здоров и снова начал учиться. А за службу твою спасибо.

Командир крепко пожал Мишкину шершавую руку. Мальчик вспыхнул до самых корней волос, замигал ресницами и опустил голову.

— И, пожалуйста, нос кверху. А то я сам зареву. Думаешь, мне легко расставаться со своим адъютантом!

— Рассказывайте! — сквозь слёзы пробормотал Мишка. — Небось сразу забудете. А чтоб в гости приехать, так никогда!

— Приеду в гости. Обязательно приеду, когда кончится война. Договорились? Всё.

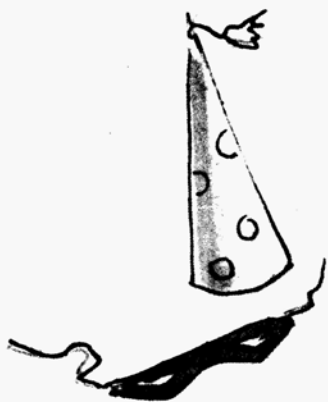
Но мальчик не трогался с места. И командир по-

нял, чего ждёт Мишка. Он нагнулся, и цепкие маленькие руки стремительно обвилились вокруг его шеи.

А потом Мишка, всё ещё всхлипывая, оторвался от командира и, отступив на два шага назад, чётко по-военному отдал честь.

И командир отдал Мишке честь. Он держал руку у козырька долго, до тех пор пока мальчик и его провожатый не скрылись в чаще осеннего леса.

БУРАТИНО

Хотя Лена училась только в третьем классе, но в библиотеке имени И. А. Крылова она считалась актив. Мало того, что она часто меняла книжки и мог-

ла рассказать о прочитанном, Лена прославилась своей аккуратностью.

— Анна Ивановна! — возвращая книгу библиотекарше, говорила Лена. — На шестнадцатой странице был надорван уголок. Видите: теперь он подклеен. А на тридцать второй странице кто-то помазюкал карандашом. Я взяла ластик и стёрла.

— Вот умница! Ты понимаешь, что книгу надо беречь.

Поэтому библиотекарьша и дала Лене билет в Дом пионеров на праздник детской книги. Туда в большин-

стве ходили ребята постарше: пятый, шестой и даже седьмой классы.

Библиотекарша предупредила, что на праздник все придут в костюмах литературных героев.

— Попроси свою маму сделать и тебе какой-нибудь костюм.

Мама пришила к розовому платью пышные оборки из марли и сказала, что в этом платье с большим бантом на голове Лена будет точь-в-точь Мальвина из сказки «Золотой ключик».

— Как же это точь-в-точь? У Мальвины ведь были голубые волосы!

— Я тоже знаю детскую литературу! — обиделась мама, которой некогда было придумывать что-то другое. — Ведь Мальвина была аккуратная, и ты аккуратная. Это гораздо важнее, чем цвет волос.

И Лена отправилась на праздник.

По фойе Дома пионеров носились Мойдодеры, Чиполлино, Незнайки и другие

литературные герои. Один из Незнаек с разбегу наступил Царевне Лебеди на серебристый шлейф.

Всем было весело. И вдруг Лена заметила, что у колонны одиноко стоит грустный мальчик. Они были примерно одинакового возраста, и Лена решила заговорить с ним.

— Ты кто? Из какой книги? Сперва я подумала, что ты мальчик с пальчик. Но у него была шапочка, а у тебя колпак с кисточкой. Чего-то я тебя не узнаю.

Мальчик молча разглядывал свои голые острые коленки.

— Почему ты ни во что не играешь? У тебя голова болит?

— Совсем не болит, — пробурчал мальчик. — И что ты ко мне привязалась? Отстань!

— Отчего ж ты такой? Боишься правду сказать?

При слове «боишься» он поднял голову и свирепо взглянул на Лену.

— Что, разве не видишь? Я потерял нос.

Конечно, это был больной мальчик. Он бредил. Как можно потерять нос!

— Длинный такой, розовый, — неожиданно разговорился мальчик, — папа мне его из бумаги склеил. Я его искал, искал — нигде нет. А теперь кто я без носа? Никто. Даже ты не поняла, что я — Буратино.

— Конечно, без носа ты непонятный! — сказала Лена. — Даже как будто совсем не одет.

Мальчик совсем помрачнел.

— Что же мне теперь делать? — сказал он плачущим голосом. — Идти домой?

Лена оглянулась. Вокруг них играли, танцевали, бегали. И девочке стало жаль бедного Буратино, который из-за пропавшего носа не может веселиться, как другие, даже собрался домой.

— Я тебе найду этот нос, — пообещала Лена. — Скажи, где ты бегал?

— Везде бегал.

— Тогда буду искать везде. Только ты сам не потеряйся — стой здесь.

Сначала Лена заглянула в буфет. Там мальчики и девочки ели разноцветное мороженое. Самое приятное — есть мороженое в металлической вазочке. Поешь и позвенишь о край вазочки ложкой, поешь и опять позвенишь.

Но, пока Лена будет звенеть, Буратино, соскучившись, может уйти домой. Значит, мороженое отпадает.

Лена походила между столиками и, ничего не найдя, вернулась в фойе.

Около большой пальмы играли в литературную викторину. Кто наберёт очков больше, тот получит приз.

В первом круге приз получил Мишутка из сказки «Три медведя». Сейчас должен был начаться второй круг.

— Пошли и мы! — предложила Лене девочка, одетая Красной Шапочкой. — Будем друг другу подсказывать. Неужели мы вместе хуже ответим, чем этот медведь?

Лена была уверена, что она и одна ответит не

хуже. Но её ждал Буратино. Как же станет она играть?...

— Я сейчас не могу, — ответила Лена Красной Шапочке. — Меня ждут.

Но Красная Шапочка ей не поверила и обиделась:

— Никто тебя не ждёт. Просто ты мало читала и, что в книгах написано, ничего не запомнила.

— Нет, запомнила! В книгах написано, что надо людей выручать.

И Лена пошла дальше разыскивать нос Буратино. Она осмотрела все углы, подоконники, кадки с пальмами, даже ступеньки на лестнице. И всё зря.

У стены стоял большой шкаф с зеркальными дверцами. На его полочках были расставлены изделия кружка «Умелые руки».

Может быть, здесь Буратино и обронил свой нос, а потом ребята ногами затолкали его под шкаф?

Это была последняя надежда.

Но подойти к шкафу Лене никак не удавалось: дорогу ей загрозили два мальчика.

Они были одеты мушкетёрами — в плащах и широкополых шляпах. У одного шляпа с красным, у другого с белым пером.

Мушкетёры дрались на деревянных шпагах. При каждом выпаде они кричали друг другу:

— Наповал!

— Кто? Я? Врёшь, это ты наповал!

— Мушкетёры, пожалуйста, пропустите меня! — попросила их Лена.

— Не мешай, — крикнул ей мальчик с белым пером, — а то и тебя проколем!

— Тогда вы, значит, не мушкетёры, — быстро на-

шла Лена. — Я видела про них кино, мушкетёров было четверо, но ни один из них на девочку не нападал.

Драчуны в раздумье остановились и опустили шпаги.

— Между прочим, она права! — сказал тот же мальчик с белым пером. — Пошли, Виталька, фехтовать на лестницу.

Мушкетёры умчались, а Лена, присев на корточки, заглянула под шкаф и увидела длинную розовую бумажную трубочку, закатившуюся к стене. Это и был злополучный нос. Но, чтоб достать его, пришлось повозиться и попачкать руки в пыли.

У колонны по-прежнему топтался мальчик в колпаке с кисточкой и коротких штанишках.

Сияя от радости, Лена подбежала к нему.

— Нашла?

— Нашла.

— Так давай скорее, а то звонят.

Звонок означал, что ребят приглашают в большой зал на встречу с писателями. А потом там покажут фильм.

— Вот он, твой нос. Теперь ты будешь настоящий Буратино! Бумага немного помялась, но я её сейчас разглажу.

— Не тронь! — отмахнулся от Лены мальчик. — Я сам разглажу. Ты ещё испортишь. И потом, у тебя руки в грязи.

— Под шкафом было очень пыльно, — виновато сказала Лена. — Я быстро вымою руки, и тогда пойдём в зал вместе. Подожди меня здесь.

Но, когда она вернулась, у колонны уже никого не

было. Седая строгая билетёрша охраняла запертую дверь в зрительный зал.

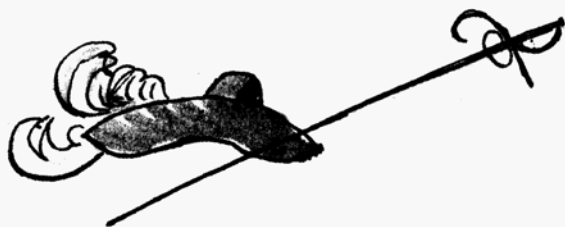
— Если бы вас было хотя бы двое, — сказала Лене билетёрша, — но из-за одного человека я не стану нарушать порядок. Тебе придётся ждать перерыва, девочка. Не надо было опаздывать. Ты виновата сама.

Лена тихонько отошла в сторону, чтоб билетёрша не увидела слёзы обиды, выступившие на её глазах.

Сама! Она из-за дружбы мороженое не ела, в викторину не играла, под шкаф лазила! А он как поступил?

Пусть он прицепил длинный нос и надел колпак с кисточкой, всё равно — он не настоящий Буратино!

Настоящий бы её подождал.

ПИРОЖКИ С КАПУСТОЙ

На день рождения к близнецам Вове и Боре Хомяковым собирался чуть ли не весь их класс. Вова имел своих друзей, Боря — своих.

Впрочем, близнецы были настолько похожи, что Юра Томилин любил повторять:

— Никак не пойму, с кем именно из Хомяков я дружу: то ли с Вовкой, то ли с Борисом!

В этом трудно было разобраться ещё и потому, что близнецы между собой были очень дружны. Им хватало одного учебника на двоих, одного пенала, одной школьной сумки, которую они носили по очереди.

Соня Зюзина даже подозревала, что близнецы и уроки учат по очереди. Кого бы учительница ни вызвала, отвечает тот, кто в этот день выучил урок. Поэтому Хомяковы и сидят за одной партой и чуть ли не каждый день меняются местами.

Но мало ли чего придумает Соня Зюзина — самая вредная из всего пятого класса!

Близнецы на день рождения её не позвали, а вообще девочки были: три Светланы — Светлана белая, Светлана чёрная и Светлана длинная, Машенька Дёмина и Лиля Шпунт.

Мама близнецов испекла большой красивый пирог. Сверху тесто было уложено плетёночкой и между переплётами светился оранжевый абрикосовый джем.

— Умру, до чего вкусно! — попробовав пирога, объявила Лиля Шпунт.

— Восторг! — сказали хором Светлана белая, Светлана чёрная и Светлана длинная.

— Да, это вещь! — согласился Слава Кравцов. — Эй, Мошкин! Имей совесть: нельзя так на пирог налегать.

— Надо и мне попробовать, — с полным ртом отозвался Паша Мошкин. — Что-то липкое, тянется. Сделали бы лучше пирожки с капустой. Их моя бабушка знаменито печёт!

Потом девочки говорили, что Мошкин вёл себя невежливо и нечутко. Хорошо, что хозяйка была в это время на кухне и не слышала его слов. Но ведь близнецы слышали!

Всем гостям стало не по себе. Выручил Юра.

— Если твоя бабушка знаменитая стряпуха, — сказал он Паше, — пожалуй, мы возьмём её с собой в поход.

— Не будет похода, — махнул рукой Слава, — одних нас не пустят, а с пятым классом никто не хочет идти.

- Ботаник Сергей Алексеевич согласился.
- Не может быть. Поклянись, что не врёшь!
- Не видать мне космоса, если сказал неправду.
- Девочки, Юрка космосом поклялся. Значит, мы правда идём в поход!

С этого дня в 5-м «Б» только и говорили, что о походе. Это была одновременно экскурсия в заповедник, где живут бобры. Сергей Алексеевич сказал, что возьмёт тех, кто не имеет в четверти двоек, кто любит природу и у кого крепкие мускулы. От станции до заповедника придётся порядочно-таки пройти пешком.

Всем захотелось побывать в гостях у бобров. Слава для тренировки мускулов поднимал за одну ножку стул. А близнецы, желая доказать свою любовь к природе, сгноили поливкой стоявшие в школьном коридоре цветы.

— Хватит лить, Вовка, — попробовал урезонить близнеца Юра, — ведь ты сегодня уже поливал.

— Ты ошибаешься, — возразил близнец, — это не я поливал, поливал Борис. А теперь я полью.

Но не всё то, что нравится детям, нравится их родителям. Кого не пустили мамы, кого по окончании учебного года отправили в деревню к бабушкам, к дядям и тётям, кого увезли на дачу. В поход-экскурсию с Сергеем Алексеевичем и вожатой из 8-го «Б» Люсей отправилось десять человек. Из трёх Светлан лишь одна — длинная.

Ехать поездом было недолго, всего три часа. Они пролетели незаметно, потому что Сергей Алексеевич рассказывал про то, что бобры строят себе плотины и хатки, спиливая зубами деревья. Зубы у бобра всё время растут, и, если он не будет их стачивать, —

грызть дерево, зубы вырастут такие длинные, что бобр, не сможет закрыть рот.

Но Паша Мошкин плохо слушал рассказ Сергея Алексеевича. Он нетерпеливо поглаживал рукой по своему рюкзаку. Рука чувствовала тёплое. Там лежали пирожки с капустой, которые напекла бабушка.

Они вкуснее всего, когда тёплые. Но, если люди на тебя смотрят, неудобно есть одному. А разделить на всех, так даже по два пирожка не достанется.

И Паша стал думать, кого исключить.

В первую очередь Шпунт. Она всегда жертвует собой для других. Пусть пожертвует и на этот раз.

Потом близнецов. С ними запутаешься. Вовка скажет: «Я не ел, это ел Борька». А Борька скажет, что ел Вовка. Вот тут и разберись.

Но если не давать пирожков близнецам, то надо из солидарности исключить и Юру. Это их лучший друг.

А Сергею Алексеевичу как-то неудобно предлагать пирожок. Могут подумать: подлизываешься.

И Паша решил: лучше никому не давать, съесть пирожки самому.

— Нам вылезать! — сказал Сергей Алексеевич, и все шумно высыпали на платформу.

Посёлок кончился. Ребята вышли на луг. Зелень была такая свежая, сочная, яркая, что Светлана даже зажмурилась, а близнецы как очумелые стали кататься по траве.

Один Паша не видел ни солнца, ни зелени. Он думал про пирожки. Наверно, они уже остыли.

Потом дорога привела путешественников к сосновым кустикам.

— Слушайте, — сказал Юра, — в таких кустиках могут быть маслята!

Все полезли в кусты, Паша последним. Он прислушался: голоса были уже далеко. Паша вынул из рюкзака бумажный пакет и начал быстро глотать пирожки.

Ему вовсе не хотелось есть, он глотал через силу. Но надо было пользоваться случаем, пока он один.

И вдруг снова захрустели кусты. Это возвращался Юра.

— Паша! Ты знаешь, что это за гриб? Посмотри! Но Паша ничего не мог разглядеть. Пирожок застрял у него в горле. Он хрипел, слёзы застлали глаза.

— Ребята! — испуганно крикнул Юра. — Паше дурно. На помощь!

И со всех сторон к Паше примчались товарищи.

— Что с тобой, Пашенька?

— Да он совсем синий! Он задохся!

— Колотите его по спине!

Наконец Паша почувствовал, что снова может вздохнуть свободно.

— Прошло! — прошептал он и вытер рукой глаза.

— Ты и грудь вытри, — насмешливо посоветовал ему Юра, — она у тебя вся в капустных крошках, и подбери с земли свои знаменитые пирожки.

— Что же это всё-таки было? — спросила Светлана длинная.

— Что?! Свинство!

— Тогда надо Сергею Алексеевичу про это сказать.

— Не будем срамиться. Но, если б я сразу понял, что Мошкин от жадности пирожком подавился, я бы его не спасал. Честное пионерское, не спасал.

— Пошли, ребята! — тихо сказала Машенька, не оглянувшись на Пашу, все двинулись следом за ней.

Паша хотел их догнать, но они прибавили шагу.

— Ребята! — крикнул он. — Может, кто пирожков хочет? Их много ещё осталось!

Слава на ходу строгал палочку. Юра что-то рассказывал девочкам. Близнецы насвистывали песенку. Никто не обращал внимания на Пашу, уныло тащившегося позади.

Часа через полтора Сергей Алексеевич объявил привал. Решено было зажечь на берегу реки костёр и вскипятить чайник. Слава и ещё два мальчика пошли с Сергеем Алексеевичем за хворостом в старый еловый лес.

Паша хотел к ним присоединиться, но Слава ему сказал:

— Полежи. Тебе ходить вредно. Ты ещё не всё переварил.

Вожатой Люсе очень понравились плавающие в реке белые кувшинки, и близнецы с Юрой решили попробовать их достать.

— Можно, я с вами? — попросился Паша.

— Утонешь! Тебя пирожки потянут на дно. Кто тогда будет тебя спасать?

Машенька и Светлана длинная собирали на опушке цветы, но, когда вдаль показался Паша, девочки спрятались в траву.

И Паша, понурясь, поплёлся на бугор, выбранный для привала. Никто не хотел с ним водиться. Никто. Дорого стоили ему пирожки.

Паша вынул из рюкзака промасленный пакет, швырнул его под откос. Потом лёг на землю и уткнулся лицом в траву.

На бугор с чайником в руке взобралась Лиля Шпунт. Она принесла воду для чая:

— Паша! Ты почему лежишь?

— Голова закружилась.

— Это оттого, что ты ничего не ел.

Она ещё не знала, что случилось в сосняке.

— Сейчас всё пройдёт. У меня для тебя есть что-то очень приятное. Что? Угадай.

Паша удивлённо поднял голову. В одной руке Лиля держала чайник, другую прятала за спиной.

— Я их нашла и правда не знаю, чьи они, кто из ребят их потерял. Но чьи бы ни были — всё равно наши. Самые твои любимые. С капустой. Бери.

Лицо Паши перекопилось от ужаса. Лиля протягивала ему знакомый замасленный пакет...

Говорят, что теперь Пашина бабушка перестала печь пирожки с капустой: внучек их в рот не берёт, а бабушка ведь не для себя старалась, всё для него, для Пашеньки.

„ОБЩЕСТВО ХИТРЕЦОВ“

Это не я придумал «общество хитрецов», это придумал Толя Резапкин. У нас в 3-м «А» его звали Внезапкин. Он очень был быстрый на разные выдумки, только я на них не попадался. Но потом и мне не повезло.

В четверг на большой перемене я решил не завтракать, а сэкономить на кино деньги, которые мне дала мама. Ведь у меня было яблоко, а витамины важнее для человека, чем котлета с картофельным пюре.

Я откусил кусок яблока и тут же поперхнулся, потому что подбежавший Толя толкнул меня локтем.

— Ты чего толкаешься?

— Не понимаешь? Это мои позывные. Я вызываю тебя на важный секретный разговор.

Тогда я положил в карман надкусанное яблоко.

Когда жуёшь — отвлекаешься, а если разговор действительно важный и секретный, то отвлекаться нельзя.

— Генка, ты можешь молчать?

— Когда не знаю урока, приходится! — сказал я.

— Я не про то. Ты можешь молчать, если я тебе открою тайну?

— Например? — спросил я.

— Например, я предлагаю тебе вступить в «общество хитрецов».

— А Вовка Котельников там будет?

— Вовка не будет. Третий проболтается. Тайну могут сохранить только двое, и я выбрал тебя.

Значит, зря моя бабушка говорила, что любой может меня вокруг пальца обвести. Толя думал обо мне иначе. Он считал меня самым хитрым в классе. Мне это понравилось, и я согласился вступить.

— А что мы будем делать в этом хитром обществе? — спросил я.

— Разное. Главным образом, разыгрывать девочек. И так хитро, что никто не узнает, что это сделали мы.

— Знаешь, Толя. Давай мы придумаем себе пароль. Так будет ещё интересней.

— Я уже придумал, — ответил Толя. — Пароль будет «ох!», что сокращённо означает: «общество хитрецов». А отзыв на пароль — молчаливый кивок головой.

Мне не очень понравился «молчаливый кивок». Куда интересней, если бы свистнуть или хотя несколько раз щёлкнуть языком. Но, наверно, так было надо для сохранения тайны.

В основном мы договорились, и Толя отправился в школьный буфет есть клюквенный кисель. А ко мне подошла Юля Полякова.

Она сказала, что смотрела в среду футбол по телевизору и болела за «Спартак». Она болела не за «Спартак», она болела от любопытства. Говоря по-футбольному, она делала «финт» — обманное движение, чтоб отвести мне глаза.

— Между прочим, Гена, о чём это вы сейчас шептались с Внезапкиным?

— Так я тебе и сказал! Чего захотела! Это тайна, которую знают только два человека на земле.

— И что же они знают?

— Что вам, девчонкам, придётся плохо от нашего «общества хитрецов»!

— Значит, об этом вы и договаривались с Толей?

— Мы? Договаривались? Откуда ты знаешь? Я тебе ничего не сказал и не скажу, как бы ты ко мне ни пристава-
ла. Ясно?

— Ясно! — ответила Юля.

Наконец-то она сообразила, что от меня ничего не добьётся!

В пятницу утром мы с Толей встретились в раздевалке. Он засовывал свои галоши в мешок, на котором было вышито «А. Р.».

— Пароль? — спросил я довольно тихо, потому что в раздевалке были наши девчонки.

— Ох! — ответил Толя.

— Ох, ох! — повторил я и потом молча кивнул головой.

И вдруг со всех сторон слышались вздохи.

— Ох! — вздохнула Юля Полякова.

— Ох-ох-ох! — застонала её подруга, Таня Рудина.

Я посмотрел на Толю, он на меня. Мы отошли в сторону.

— Это ты проболтался? — прошипел Толя.

— А я думал — ты.

— Что случилось, девочки? — заглянула в раздевалку Оля Булочкина. — Почему вы все охаете?

— Как же нам не охать? — ответила Полякова. — Ведь нам бедным придётся плохо от «общества хитрецов». Ох-ох-ох!

И девочки засмеялись, а звонче всех толстененькая Булочкина.

— Они подслушали! — сказал я Толе.

Ну, до чего же хитры! Нас было только двое, и то они всё разузнали. А если б нас было трое? Тогда они, наверное бы, знали даже то, чего мы не знали сами.

— Ладно, ладно, — сквозь зубы сказал Толя. —

Завтра, в субботу, я буду дежурным. Посмотрим, кто посмеётся завтра!

В субботу уже с первого урока в классе отвратно пахло. Хуже всего было мне, потому что пахло от Толи, с которым мы вместе сидели за одной партой.

— Слушай! Почему от тебя так неважно пахнет? — спросил я.

— Это научный запах! — ответил Толя. — Смотри!

Оказывается, у него в карман был насыпан какой-то беловатый порошок. Толя объяснил мне, что если насыпать этот порошок в бутылочку с водою, то не успеешь просчитать сорок раз «Али-баба́ и сорок разбойников», как на последнем «баба́» и бабахнет.

— Вот мы и проучим девчонок, — сказал Толя, — насыпем порошок в чернилку Булочке. Что чернила, что вода — всё равно.

— Но почему именно к Булочке? — сказал я. — Она ведь даже не подслушивала.

— Пусть. Но она смеялась!

— Так она всегда смеётся, даже когда совсем не смешно. Помнишь, в детском театре, когда ходили всем классом?

— Мы не театр, а «общество хитрецов», — сказал Толя. — Какие же мы хитрецы, если не можем проучить девчонок?

— Уж лучше тогда насыпать Поляковой.

Толя свистнул.

— Фью! Полякова пожалуется, а Булочка нет. Я уже у неё всё хитро вызнал.

— Как вызнал?

— Я спросил, согласна ли она, что ябеда самый позорный человек? И она сказала: «Согласна».

Конечно, насыпать порошок в чернилку к Булочке было технически удобнее. Она сидела прямо против нас через проход. Но мне нравилась Булочка — такая розовая, толстенная, с изюмными глазами. Недавно её прозвали «Булочка».

Мне было жалко её взрывать.

— Может, лучше дёрнуть её за косу? — предложил я.

— Старо! — фыркнул Толя. — В наш век техники дёргать девчонку за косу может только отсталый человек. И потом, не волнуйся, её жизнь вне опасности.

— Ручаешься?

— Научно точно. Брызги, лёгкий испуг, и всё.

Тогда я согласился, потому что не хотел быть отсталым и потому что он ручался, что Булочка будет цела.

На второй перемене мы первыми со звоном воорвались в класс. Я прикрывал Толю, а он, схватив Олину чернилку, стал сыпать туда порошок.

— Она! — толкнул я Толю локтем, потому что к нам приближалась Булочка.

У неё были очень смешные короткие косички. Они так твёрдо торчали в разные стороны, как будто в них была вставлена проволока. Может, я поэтому и предлагал дёрнуть Булочку за косы. Мне хотелось выяснить: есть ли в них действительно проволока или нет?

— Порядок! — шепнул мне Толя, и мы быстро проскользнули за нашу парту.

Ребята рассаживались по местам. Только Булочка всё ещё стояла в проходе и, покачивая проволочными косичками, с ужасом смотрела на свою чернилку. Она всё поняла.

— Ябеда самый позорный человек! — громко напомнил ей Толя.

Булочка ничего не ответила. Я думал, что она заплачет, но она не заплакала. Только часто-часто моргала, и лицо у неё стало серо-белое, как тот научный порошок.

Все встали, здороваясь с учительницей.

— Садитесь! — сказала учительница, села сама за стол и заглянула в журнал.

И вдруг Булочка, прежде чем сесть, быстро схватила чернилку, в которую был насыпан порошок, и переставила к нам на парту.

Тут Толя вскочил, чтоб переставить чернилку обратно, но было уже поздно. Учительница смотрела не в журнал, а прямо на нас, и глаза у неё были строгие, как прошлый раз, когда я не выучил урок.

— Садитесь! — повторила учительница.

Толя сел, но тогда я вскочил. Хотя Толя прикрыл рукой чернилку, однако она шипела, словно змея.

А что, если научно неточно насчёт лёгкого испуга и нас с Толей сейчас взорвёт?

— Что с вами? — строго спросила учительница. — Кажётся, я в третий раз повторяю: садитесь.

Я сел. Мне стало сперва холодно, а потом так жарко, что я даже ушами чувствовал жар.

Мне вспомнилась моя бабушка, которая любила мудрые народные пословицы и поговорки. Летом я обещал исправиться, но, согласно бабушкиной пого-

ворке, этого нужно ожидать после дождичка в четверг! А лето было на редкость засушливое.

Когда мама поругалась с водопроводчиком, бабушка грустно за-

метила: «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться». И правда: целую неделю мы жили без воды.

Что бы теперь сказала моя бабушка, как бы она выразилась? «Не рой другому яму...» Вот именно: не рой!

Толя сидел весь бледный, опустив голову, и что-то шептал. Наверно, он считал про себя свои сорок разбойников, наверно, он уже сосчитал...

— Резапкин! Что ты держишь в руке? — спросила учительница. — Сейчас же положи руки на парту.

Толя отнял руку от проклятой чернилки, и я зажмурился.

Это получилось очень кстати. По крайней мере, брызги, которые из неё вылетели, не попали мне в глаза.

И тут мне с Толей пришлось встать в третий раз.

— Кто устроил эту гадость? — спросила учительница.

— Мы! — машинально ответили я и Толя.

Весь класс захохотал, а звонче всех опять же она — Булочка.

Я посмотрел на Толю и увидел, что он весь пятни-

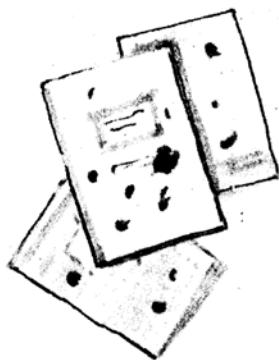
стый, прямо как в зоопарке леопард. На подбородке, на лбу, на носу у него были чёрные пятна. Я чувствовал, что чернила текут и по моим щекам.

Понятно, почему они все смеялись.

Но нам с Толей было совсем не смешно. Мало того, что мы мыли пол в классе, мало того, что нас проработали дома, нам ещё досталось и на совете отряда. Вот уж где действительно было: ох, ох!

С тех пор я больше не дразню девчонок. Кто знает, что они ещё могут сделать, раз они сумели перехитрить даже «общество хитрецов».

Теперь это общество развалилось. Один человек — уже не общество, а я лично больше в нём не состою. Я из него выступил — с меня хватит.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Иринка-рябинка	5
Хохолок	19
Буратино	39
Пирожки с капустой	46
«Общество хитрецов»	54

Для младшего школьного возраста

Надеждина Надежда Августиновна

ИРИНКА-РЯБИНКА

Рассказы

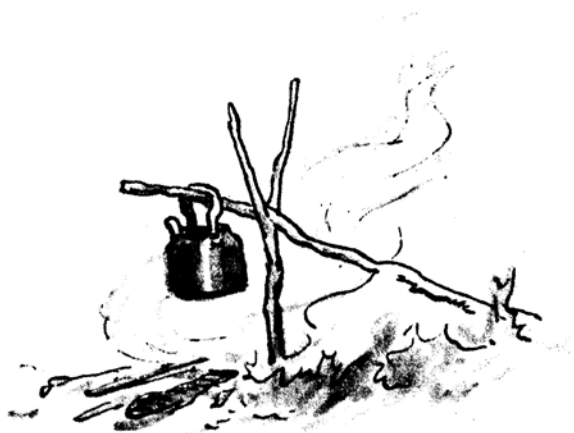
Ответственный редактор *С. В. Орлеанская*. Художественный редактор *Б. А. Дехтерев*.

Технический редактор *Т. М. Страхова*. Корректор *Н. А. Сифронова*.

Сдано в набор 12/VI 1963 г. Подписано в печать 23/VIII 1963 г. Формат 60×90^{1/16},
4 печ. л. 2,41 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. ТП 1963 № 197. Цена 8 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР,
Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 124.

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

„КНИГА ЗА КНИГОЙ“

на 1937 год

1. ПУШКИН — Сказка о царе Салтане.
2. ЛЕРМОНТОВ — Ашик-Кериб.
3. ТОЛСТОЙ Л. — Булька.
4. ТОЛСТОЙ Л. — Акула.
5. НЕКРАСОВ — Генерал Топтыгин.
6. НЕКРАСОВ — Дедушка Маза и зайцы.
7. ТУРГЕНЕВ — Муму.
8. ТУРГЕНЕВ — Божин луг.
9. ЧЕХОВ — Мальчики.
10. ЧЕХОВ — Ванька.
11. ЧЕХОВ — Лошадиная фамилия.
12. ГОРЬКИЙ — Дед Архип и Ленка.
13. ГОРЬКИЙ — Дети.
14. ЛЕСКОВ — Человек на часах.
15. ГРИГОРОВИЧ — Гуттаперчевый мальчик.
16. ГАРШИН — Лагушка-путешественница.
17. МАМИН-СИБИРЯК — Емеля-охотник.
18. МАМИН-СИБИРЯК — Зимовье на Студеной.
19. СЕНКЕВИЧ — Янко-музыкант.
20. КИПЛИНГ — Слононок.
21. ЛОНДОН — Волк.
22. АНДЕРСЕН — Дюймовочка.
23. АНДЕРСЕН — Стойкий оловянный солдатик.
24. ГРИММ — Храбрый портной.
25. ГРИММ — Бременские музыканты.
26. ГАУФ — Карлик Нос.
27. ГАУФ — Калиф Аист.
28. АФАНАСЬЕВ — Царевна-лягушка. (Русская народная сказка.)
29. АФАНАСЬЕВ — Как мужик барина проучил. (Русская народная сказка.)
30. Хитрец Алдар-Нос (Казахская народная сказка.)
31. Охин (Армянская народная сказка.)
32. Аладдин и волшебная лампа. (Арабская сказка.)
33. Али-Баба и сорок разбойников. (Арабская сказка.)
34. ХАРРИС — Братец Кролик.
35. РОЛЛАН — Жан Кристоф.
36. МАЯКОВСКИЙ — Кем быть?
37. БАГРИЦКИЙ — Соболиный след.
38. БАГРИЦКИЙ — Звезда Мордвина.
39. ОСТРОВСКИЙ Н. — Андрий Птах и Василек.
40. УЛЬЯНОВА М. — Рассказы о Ленине.
41. ФАДЕЕВ — Метелица.
42. КАТАЕВ — Сон.
43. КАССИЛЬ — Агит-медведь особого отряда.
44. ОЛЕЙНИКОВ — Портрет.
45. ПАУСТОВСКИЙ — Заячья лапа.
46. ПРИШВИН — Ярик.
47. БИАНКИ — Последний выстрел.
48. НОВИКОВ-ПРИБОЙ — Среди топи.
49. ЖИТКОВ — Мангуста.
50. ГАЙДАР — Сказка о Военной Тайне.